

Индѣйцы.

(Повѣсть Г-на Ричардсона.)

OCR Бычков М.Н.

<http://az.lib.ru>

Печальная Марано сидѣла на высокому утѣсѣ. Склоняясь на бѣлую руку, въ тихомъ уединеніи, она горевала о своемъ любезномъ. Волосы ея небрежно развѣвались зефирами; прекрасное лицо орошалось слезами; въ голубыхъ глазахъ изображалось нѣжное безпокойство; грудь ея тяжело подымалась отъ частыхъ вздоховъ.

"Скоро ли возвратится онъ? говорила Марано: скоро ли возвратится милой Онею, любимецъ моего сердца?... скоро ли увяжу его?... Волны Онтарійскія! принесите его на милую родину; возвратите его друзьямъ, возвратите нѣжнымъ моимъ объятіямъ!... Скоро ли увижу его?... скоро ли быстрая лодка промчится по озеру, и принесетъ героя къ счастливому острову? Такъ! счастливой островъ! тогда веселые крики раздадутся на твоихъ утесахъ, на обширныхъ равнинахъ, въ темныхъ рощахъ; тогда радость водворится въ нашемъ селеніи.... Старцы поспѣшатъ къ нему на встрѣчу... Но у ахъ! можетъ быть онъ погибъ! -- можетъ быть теперь испускаетъ послѣдній вздохъ на кровавомъ полѣ!.. Онъ, стремителенъ въ своемъ мужествѣ и пылокъ въ жару юности! можетъ быть въ сію самую минуту летитъ на непріятеля, и -- погибаетъ!"

Когда Марано такимъ образомъ питала свою горестъ, почтенный Ононтіо пришелъ утѣшить ее. Онъ примѣтилъ безпокойство въ душѣ ея и скрытно слѣдовалъ за нею изъ деревни. Это былъ отецъ Онея, одинъ изъ старѣйшинъ племени, уважаемый за мудрость свою и любимый за добродѣтели. Умѣренностію, воздержаніемъ и дѣятельностію въ юношескихъ лѣтахъ Ононтіо умѣлъ сберечь веселость и здоровье для старости. Не заботы, но время провело морщины на чель его; осанка старца была величественна, видъ пріятенъ; онъ любилъ Марану съ родительскою нѣжностію.

"Утѣшься! сказалъ Ононтіо: не предавайся отчаянію. Великій Духъ, носящійся въ вихряхъ и гремѣющій въ тучахъ, Отецъ и Правитель вселенныя, будетъ твоимъ покровителемъ. Но знай, дочь моя! только тотъ достоинъ его милостей, кто уповаетъ на его волю. Грѣшно напередъ придумывать горести, и почитать себя несчастными, когда въ самомъ дѣлѣ еще никакого несчастья не терпимъ. Своенравные, непостоянные люди, робкіе и вмѣстѣ высокомерные трепещутъ, воображая далекую опасность; сѣтуютъ, какъ будто бы дѣйствительно уже страдали. Они сами себѣ творятъ бѣдствія, нагло жалуясь на Всемогущаго. Берегись, любезная дочь! не возставай противъ Великаго Духа; ибо роптать и жаловаться безъ причины значитъ возставать противъ него. Онъ повелѣлъ намъ быть счастливыми, и оскорбляется нашимъ неповиновеніемъ: предаваясь тщетному сѣтованію, мы не повинемся его волѣ; разрушая собственное спокойствіе, дѣлаемся врагами всеобщаго блага, имъ устроеннаго, равно какъ если бы нарушили покой ближняго... Утѣшься! скоро возвратится любезный Онейю, обремененный Бриттанскими добычами."

"Если супругъ возвратится здоровымъ -- отвѣчала Марано; то пламенные желанія мои исполнятся совершенно. Если возвратится онъ обремененный добычами Бриттанскими, это не увеличитъ моей радости." Индѣецъ изумился. -- „Не ужели ты забыла, -- продолжала она -- что я сама Бриттанка, что насильно увезена изъ отеческаго дому, когда Утагами опустошалъ нашу землю, и разпространялъ ужасъ до самыхъ вратъ Албанскихъ? Родители мои погибли. Я была тогда ребенкомъ, но помню кровавое пораженіе. Старшій братъ мой спасся, а я сдѣлалась жертвою ярости непріятельской. Уже протекло нѣсколько лѣтъ; но при имени Бриттанца грудь моя наполняется восторгомъ."

"Я твердо былъ увѣренъ, -- отвѣчалъ старецъ -- что ты насъ любишь. Мы приняли тебя въ свое племя, а сердце твое не намъ принадлежитъ! Ты печалишься о странѣ своихъ родителей!.... Я называлъ тебя дочерью, Марано! а ты хочешь оставить меня?" При сихъ словахъ Ононтіо взглянулъ на нее съ нѣжностію. "Ты хочешь оставить меня?" -- повторилъ онъ, и слезы заблестали на глазахъ его. Марано схватила руку старца, и прижала ее къ розовымъ губамъ своимъ. "Нѣтъ! никогда тебя не оставлю. Сердце мое принадлежитъ тебѣ и любезному Онейю. Я почитаю тебя; могу ли забыть твое состраданіе? могу ли забыть тотъ ужасный день, когда Утагами, въ собраніи своихъ единоплеменниковъ у опредѣлили принести меня въ жертву своему богу Арескуи? ты былъ тогда посломъ отъ своего народа. Онейю тебѣ сопутствовалъ; онъ вздыхалъ, видя мои слезы. Увы! я была слаба, безъ друзей, среди непріятелей. Онейю